

*Памяти
Александры Сергеевны
Алексеевой
(† 1 ноября 1999 г.)*

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО АРХИВА В. С. АЛЕКСЕЕВА (1903—1942)

Публикация А. Л. Дмитренко

Имя поэта Владимира Сергеевича Алексеева (10 (23).1.1903—20.1.1942) попало в поле зрения историков литературы первоначально в силу причин косвенных. Оно было введено в исследовательский оборот, когда стало известно о причастности Алексеева к литературной предыстории кружка «чинарей».¹

Гимназическая дружба В. С. Алексеева с Александром Ивановичем Введенским (1904—1941) и Леонидом Савельевичем Липавским (1904—1941) если и не имела продолжения, то оставила след в виде коллективно сочиненного стихотворения («Мы с тобой по аллеям гуляем...»)² совместного послания к Александру Блоку (январь 1921),³ а также сведений о несохранившейся поэме «Бык Будды», написанной тремя юными поэтами в 1918 (?) году.⁴ Совокупность известных фактов и творческих текстов, относящихся к этому периоду, позволяет сделать вывод, что при некоторой родственности эстетических предпочтений Алексеева, Липавского и Введенского, поэтика последнего, например, формировалась в процессе литературного диалога с Алексеевым, в том числе в процессе полемики с ним.

Алексеев продолжал заниматься литературным творчеством и впоследствии, но его поэтическая практика не имела никаких пересечений с деятельностью кружка «чинарей» (и в частности, с деятельностью обэриутов). Во второй половине 1920-х годов В. Алексеев входил в Ленинградскую Ассоциацию неоклассиков.

В 1995 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома был передан архив В. С. Алексеева (поступление № 25). Он был подарен сестрой поэта — Александрой Сергеевной Алексеевой. Большую часть материалов архива составляют автографы произведений В. С. Алексеева разных лет. На их основе и построена настоящая публикация.

В первой части помещены не публиковавшиеся прежде стихотворения В. Алексеева, относящиеся к «зрелому» периоду его творчества (1923—1941), предваренные вынужденно короткой — в силу скудости доступных биографических сведений — справкой о поэте. Во второй части помещены ранние стихотворения В. Алексеева, материалы, относящиеся к истории гимназического союза Алексеева, Липавского и Введенского, а также воспоминания В. Алексеева о Н. Гумилеве.

Обращаясь к биографии Алексеева, нельзя обойти вниманием его родословную, так как предки Алексеева по отцовской линии весьма примечательны. Биографические сведения о некоторых из них гораздо более обширны, нежели доступные нам сведения о самом поэте. Дед В. Алексева по отцу, философ и публицист Алексей Александрович Козлов (1831—1901), создатель оригинальной метафизической системы панпсихизма, был незаконнорожденным сыном помещика Ивана Алексеевича Пушкина (дальнего родственника А. С. Пушкина) и вольноотпущенной крестьянки.⁵ Трое детей самого Козлова от его гражданского брака с Марией Александровной Челищевой (1840—?) также считались незаконнорожденными, так как он до конца жизни не мог получить развод от первой жены. Мария Александровна Челищева была представительницей старинного дворянского рода, приходилась племянницей сенатору, члену Государственного совета Николаю Александровичу Челищеву (1783—1859).⁶

Младший ребенок в семье Козлова, Сергей Алексеевич Алексеев (1871—1945), отец нашего героя, впоследствии стал известным философом, более известным под литературным псевдонимом Аскольдов.⁷ Философские взгляды Аскольдова сформировались под определяющим воздействием идей Козлова, которого он считал одним из основателей христианской философии в России. В семье С. А. Алексева-Аскольдова было четверо детей — Антонина (умерла в годовалом возрасте около 1901 г.), Владимир, Мария (в замужестве Фельснер, 1907—1973) и Александра (1911—1999). Литературному творчеству посвятил себя только Владимир.

Учился Владимир в Петербургской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской, в младшей подготовительный класс которой поступил в августе 1911 г. Известно, что в этой гимназии, отличавшейся социал-демократическими настроениями и славившейся высоким уровнем преподавательского состава, поощрялось литературное творчество учеников.⁸ Первые поэтические опыты Владимира Алексева, относящиеся к 1916 г., отмечены влияниями Блока и Гумилева. Одним из любимых поэтов был также В. С. Соловьев.⁹ В этом отношении В. Алексеев следовал предпочтениям своего отца, который чрезвычайно высоко ценил творчество В. Соловьева. В 1927 г. в письме к старшей сестре Аскольдов вспоминал о своих отношениях с сыном в то время: «Я с годами стал гораздо чувствительнее, чем прежде. И тут кое-чему меня научил мой Вовка. Когда мы жили с ним вдвоем в 1918—1919 годах,¹⁰ он вечно декламировал Блока, Гумилева (его любимый поэт и отчасти учитель), Соловьева и др. И Блока, к которому я раньше был равнодушен, я почувствовал положительно через него. Он прежде недурно читал, теперь стал хуже».¹¹

Многие стихи В. Алексева раннего периода проникнуты религиозными мотивами, что, по-видимому, можно объяснить влиянием семейной атмосферы, равно как и воспринятых через отца идей В. Соловьева. В юности В. Алексеев писал очень много, стихи 1916—1923 годов составляют почти половину его поэтического архива. Однако из этого обширного корпуса стихотворных текстов мы публикуем лишь несколько стихотворений (во второй части нашей работы), представляющих, главным образом, историко-литературный интерес.

В июле 1920 г. В. Алексеев закончил 4 класс II ступени Трудовой школы и был зачислен студентом на историко-филологическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета.¹² Некоторое время он находился на военной службе. Сохранилась справка от 4 июля 1921 г. в том, что В. Алексеев находился в госпитале, одержимый тяжелой формой психастении, и был уволен со службы и снят с учета «как неспособный».¹³ С осени 1921 г. он примерно в течение года жил

в пустующей пятикомнатной квартире на Кронверкской, 21 вместе с Александром Введенским. Университет В. Алексеев так и не закончил. Восстановленный в правах студента в 1922 г., в феврале 1925 г. он был исключен «за неявку на проверку в факультетскую комиссию в ноябре 1924 г.». ¹⁴

В июле 1924 г. В. Алексеев был принят в Ленинградское отделение Всесоюзного Союза Поэтов, вошел в группу «Мастерская слова» (Н. Л. Браун, А. Л. Браун, Н. П. Вагнер, М. И. Комиссарова), однако вскоре ее покинул. ¹⁵ О круге общения В. Алексеева в эти годы свидетельствует черновой план «Северного альманаха», составленный, по-видимому, в 1923 г. Листок с этим автографом вложен в тетрадь стихотворений, относящихся к февралю 1923 г.:

«Северный альманах» (Стихи, проза)

- 1) Волков (Курганы) ¹⁶
- 2) Браун А. ¹⁷ (Набег на Орел) (Азия)
- 3) Сорокин ¹⁸ (Время) (Вам, развесившим уши)
- 4) Браун Н. ¹⁹ (Дон-Кихот) (Нет, я не верю) (Я сырой травяной) (Индия)
- 5) Вагнер ²⁰ (Город) (Скрипка) (Библиотека)
- 6) В. Алексеев ([Нрзб.] рукой) (Москва) (Книга) (Война) (Время?) (Театр?)
- 7) Дмитриев ²¹ (Душа человека голенища лаковая)
- 8) Боженко ²² (Разговор с ворами)

57 стр<аниц>

Примерно в 1925 г. В. Алексеев вступил также в Ленинградское отделение Союза Писателей и сблизился с кружком поэтов, именовавших себя неоклассиками (В. В. Смиренский, М. В. Борисоглебский, Л. И. Аверьянова, А. Р. Палей, Н. Ф. Белявский и др.). Неоклассики, объединенные идеей «создать в современной литературе крепкое и значительное ядро неоклассицизма», ²³ первоначально собирались в помещении Союза Писателей (Фонтанка, 50). Почетными членами кружка были избраны Ф. Сологуб, А. Ахматова, М. Кузмин и М. Ватсон. Кружок являлся ленинградским отделением Московской Ассоциации неоклассиков (создана в 1918 г.), ²⁴ полномочным представителем которой в Ленинграде являлся поэт Владимир Викторович Смиренский (1902—1977). О дружеских отношениях В. Смиренского и В. Алексеева свидетельствует стихотворение последнего, датированное 1925 г.:

В. Смиренскому

Я прихожу к тебе мечтать
И в темноте библиотеки
На перемятую тетрадь
Спокойно опускаю веки.

Мне дорог этот странный плен,
Объятый нежностью суровой:
Я думаю об Анне N,
А ты — об Анне Гумилевой. ²⁵

Ленинградские неоклассики по примеру москвичей составили декларацию, которая была «торжественно зачитана и комментирована» А. Р. Палеем 11 июля 1925 г. на заседании Союза Писателей. Из числа неоклассиков, кроме Палея, вы-

ступали также В. Алексеев и В. Смиренский. Присутствовавший на собрании критик писал по этому поводу: «Прения, развернувшиеся вокруг прочитанного, сводились к уличению неоклассиков в подражательности. И лишь к концу вечера в защиту неоклассиков выступил председательствовавший в собрании поэт Ф. Сологуб. „Будет время, — сказал он, — когда придет настоящий разбойник в литературу. Он смело и открыто ограбит всех, и это будет великий русский поэт“. Не знаю почему, м. б., потому, что неоклассики грабят не всех, а только некоторых, причем каждый — какого-нибудь одного поэта, мало надежды на то, что новый Пушкин появится из их среды».²⁶

В ноябре 1925 г. неоклассики обратились к Ф. Сологубу с письмом, где сообщали об избрании его почетным членом Ассоциации и председателем ее инициативной группы.²⁷ С этого времени деятельность Ассоциации проходила под знаком покровительственного внимания Сологуба и была связана с кружком молодых поэтов, с конца 1925 г. собиравшихся по вторникам в его квартире (наб. Ждановки, д. 3, кв. 26). Поэт М. В. Борисоглебский вспоминал: «Я попросил Ф[едора] Кузмиача разрешить устроить у него Литературный кружок: согласился.

Посоветовался с В. П. Калицкой, детской писательницей, женщиной доброй и самоотверженно любящей Ф. К. <...> В. П. согласилась. Пригласили Пумпянского Л. В., историка и теоретика литературы.

В кружок вошли Смиренский В. В., Данько Е., Белявский, Аверьянова Л. и др. Ф. К. настаивал на привлечении в кружок молодежи.

Собрания кружка называли «Вечера на Ждановке». Их было несколько, об них можно написать многое. Но главное для меня в них было то, что Ф. К. с истинно патриаршим спокойствием выявлял всю свою мудрость перед „зеленой молодежью“. Речи его часто превращались в лекции».²⁸

В конце 1925—начале 1926 г. цикл лекций о русском классицизме («Поэты XVIII века») прочитал Л. В. Пумпянский. Другим специальным мероприятием для неоклассиков была лекция Ю. Н. Верховского, известного своими классицистическими предпочтениями еще со времени участия в группе символистов. Эта лекция была также прочитана на квартире Сологуба 16 ноября 1926 г.²⁹ Неоклассики собирались напечатать поэтический альманах,³⁰ однако этим планам не суждено было осуществиться. Последнее известное нам упоминание об Ассоциации неоклассиков содержится в письме В. Смиренского к М. Борисоглебскому от 21 октября 1928 г.: «Вырабатываю новую декларацию неоклассиков, подобрал крепкую группу поэтов, вступил к нам опять Вл. Ленский, и уже 2 раза мы выступали (в школе и в Губсуде), в субботу будем читать у меня в Статотделе, и еще до нового года намечено у нас около 10 выступлений».³¹ Вошел ли в «крепкую группу поэтов» Владимир Алексеев — неизвестно.

Отдельной книгой стихи В. Алексеева изданы не были. Первой его публикацией было стихотворение «Левелеры», напечатанное в журнале «Красный студент» (1924. № 4—5. С. 6). Шесть стихотворений были напечатаны в ленинградских альманахах «Собрание стихотворений» (1926), «Ларь» (1927) и «Костер» (1927). Еще несколько стихотворений — в газете «Смена» и в «Красной газете». Критика единожды обратила свое внимание на произведения Алексеева: в рецензии на «Ларь» И. А. Оксенов отметил влияние Б. Пастернака на его стихотворения «Сумароков» и «Потемкин».³²

Литературная канва биографии В. Алексеева заметно отслаивается от его биографии житейской. В анкете, заполненной 17 октября 1928 г., В. Алексеев указал свою профессию — педагог по специальности «обществоведение», отметил, что служил на Северо-западной железной дороге, в отделе изысканий Волховстроя (1923) и в производственных мастерских 222 школы (1924—1928).³³ В 1926 г. В. Алексеев служил в Ленинградском Губернском Отделе Наробраза. Мы почти ничего не знаем

о деятельности В. Алексеева в 1930-е годы. По словам его сестры, он работал в Московско-Нарвском Доме культуры, читал лекции. Предположительно мы атрибутируем ему несколько книг по вопросам переподготовки кадров, выпущенных в 1930 г. в приложении к журналу «Наука и техника».³⁴

Из других эпизодов его биографии отметим два ареста. Первый (по-видимому, кратковременный) относится ко второй половине 1920-х годов. О нем известно из недатированного письма В. Смиренского к М. Борисоглебскому: «Из новостей могу сообщить тебе одну невеселую: на днях арестован Вл. Алексеев, у которого, между прочим, при обыске отобраны и мои рукописи. Так что я ожидаю к себе ночных гостей».³⁵ Документальных подтверждений этому факту из архива ФСБ мы не получили. Однако, в ответ на наш запрос пришло следующее сообщение: Алексеев был арестован 28 ноября 1930 г. как участник «антисоветской нелегальной группы литераторов» «Север», обвинен по статье 58-10 УК РСФСР. 4 января 1931 г. освобожден «постановлением начальника отдела». Известно, что в феврале 1931 г. были осуждены другие члены группы «Север» — В. Смиренский и К. Олимпов, которые к моменту ареста В. Алексеева уже находились под стражей (арестованы в ночь на 19 сентября 1930 г.).

Это практически всё, что нам удалось узнать о жизни Владимира Алексеева. Он умер в блокадном Ленинграде и похоронен на Пискаревском кладбище. Жена — Анна Николаевна, урожденная Иванова (1899—1945) — работала библиотекарем, писала стихи. Сын Никита (1925—1944) погиб на фронте 11 октября 1944 г. В архиве В. Алексеева хранится рукописный сборник стихотворений Анны Ивановой 1926 г. В 1934 г. С. А. Алексеев-Аскольдов сетовал на неблагоприятную литературную судьбу ее и своего сына: «У нее есть очень, очень большое поэтическое дарование. Я давно знал, что она пишет недурные стихи. Но только этой осенью она прочла два стихотворения, которые достойны были бы пера одного из русских больших поэтов, к сожалению, умершего рано, подобно Лермонтову.³⁶ <...> Мне страшно горестно, что поэтическое дарование ее и Вовы (почти равное) пропадают без возможности выявления».³⁷

«Возможность выявления» поэтического дарования Владимира Алексеева представляется только теперь, спустя несколько десятилетий после смерти его обладателя — благодаря архиву, хранящемуся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Все публикуемые стихотворения печатаются по автографам и авторским машинописям с исправлением очевидных опечаток и опечаток. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

* * *

Проснешься рано. Тишина.
В немом покое дремлет город,
И старый ставень у окна
Лучом заржавленным распорот.

Но не тревожит резкий гам
Твоей неисправимой лени,
И к тем же мирным берегам
Ведут размытые ступени.

И горечь прожитых недель
Вплетая в сладкий час отрады,
Следишь, как разметался хмель
В ограде пасмурного сада.

Но спят спокойные дома,
Лишь дворник сор сметает в кучу,
И гаснет тусклый луч огня,
Рассветом медленным измучен.

Туманный воздух глух и сер,
Деревья горбятся сутуло,
И утомленный офицер
Солдат разводит в караулы.

Петербург. 29.IX.1923.

* * *

М. А. Ф<роману>

Этим дням над серым Петроградом
И Неве сегодня я не рад.
За высокой каменной оградой
Сонной ленью дышит Летний сад.

Старой парки порванная пряжа
Выпала из перебитых рук,
И влечет ее канал Лебяжий
На далекий незнакомый луг.

Мрамор статуй и гранит решеток —
Только странный непонятный сон,
Перепутанный водоворотом —
Петербург и Иллион.

Так привычно думать о погоде
И, роня легкие слова,
Уплывать на быстром пароходе
По густой траве на острова.

И опять легко, свежо и ново
Я приемлю этот мир иным,
И плывет оброненное слово,
Словно синий папиросный дым.

1923.

* * *

Осыпаясь, сохнет кукуруза,
Осень ближе, даль еще ясна.
С тихим плачем утонула муза
В полной чаше красного вина.

Этот август, этот запах хлеба,
Под фатой молочною река,
И высоко поднятое небо
Звездами глядит издалека.

Этот воздух влажный и глубокий,
Затаивший ясность хрустала,
Там где клонит тучные осоки
Сонная тяжелая земля.

Все оно проходит понемногу,
Шелестя, вздыхая и шуруша.
Вот и я в привычную дорогу
Тоже собираюсь не спеша.

Взвизгнет поезд, задрожат колеса,
Семафор, закрывшись, подмигнет,
И в траву у самого откоса
Мертвой птицей сердце упадет.

Апрель 1927.

* * *

Л. Раковскому

В чаду отгоревшего лета,
Вступив на пустую межу,
Я снова по старым приметам
Дорогу свою нахожу.

Мой путь в темноту небосклона
В десяток разломанных строк,
Где осень, ворвавшись с разгона,
Мучительно ломит висок.

Ты помнишь, как было в июле,
Когда от тоски озверев,
Ветра бесконечные гнули
И нас, и верхушки дерев.

Дойдя до песчаного пляжа,
Следя за разбегом волны,
Мы знали наверно — что ляжем
Вздремнуть под корнями сосны.

А вечером, где бы ты ни был,
Как призрак, стоит над тобой
Беззвездное бледное небо,
Ничуть не унявшее зной.

Так было: осенним укладом
Разорван зеленый ковер,
Песок охладел... и над садом
Отправился месяц в дозор.

Меняется мир понемногу,
Я горсточкой пепла гребу
Свою роковую дорогу,
Свою роковую судьбу.

Под натиском первого снега
Мы вспомним горячий песок,
И осень ворвется с разбега
В ряды облетающих строк.

<1920-е>.

ИЗ ЦИКЛА «ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ»

* * *

Скупая память не уронит
И не угасит тот огонь,
Что ты зажгла, свои ладони,
Как дар, вложив в мою ладонь.

Я знаю, жизни бег известен,
Нетороплив, неговорлив,
И в строгом строе неуместен
Высокой радости прилив.

Но ярче пылкого свиданья
В разгаре безмятежных дней
Любовь, согретая дыханьем
Воскресшей юности моей.

Февраль-март 1934.

* * *

Я, упрямо и равномерно
Изживая свои грехи,
Не осилил привычки скверной
Где попало писать стихи.

На обложке любой тетради,
На обрывках и на клочках
Я пишу о ласковом взгляде
И о нежных твоих руках.

Оттого-то и строк мятежных
И написанных не попад
Привкус странен и неизбежно
Ироничен и горьковат.

Как невынутая заноза,
Как упрямая боль в висках,
Отголосок усталой прозы
Осторожно звучит в словах.

Но в холодный декабрьский вечер
Не распутал я, не успел
Боль разлуки и радость встречи
С суетой повседневных дел.

Оттого-то, поднимая веки,
Иногда я гляжу так зло,
Оттого-то и смешал я навеки
И искусство, и ремесло.

Мир безоблачный и высокий
Отразился в моих зрачках,
Осторожно роняя строки
На клочки деловых бумаг.

Декабрь 1933.

* * *

Летний день горяч и душен,
Страшен белой ночи гнет,
Может быть, немного глуше
Жизнь моя теперь пойдет.

Непривычно и нестройно
Оборвется главный путь,
Хватит силы, чтоб спокойно
Понемногу отдохнуть.

Жизни каждый легкий промах
Буду вновь припоминать,
Запах вянущих черемух
В дачной местности глотать.

Смолкнут шумные заботы,
Стихнет боль сердечных ран,
Буду видеть, как с болота
Вьется вечером туман.

А потом в полдневном зное,
В свежий вечер, у огня
Это странствие земное
Близким станет для меня.

Будет биться резвый окунь
На заре в моих сетях,
Буду долго и жестоко
Загорать на отмелях.

Каждым деревом и рошей,
Лугом, речкой, быстринной
Встанет радостней и проще
Тихий мир передо мной.

А когда взрвет утрюмо
Ветер с ветками в борьбе,
Будет время, чтоб подумать
О тебе и о себе.

Чтоб, слегка прищуря веки,
От последнего тепла
Вдруг понять, что ты навеки
В жизнь мою теперь вошла.

Эти дни проходят мимо
Высоко над головой,
Никакие горы Крыма
Не разделят нас с тобой.

И в заманчивой надежде
Вырастает мой покой.
Будешь ты опять, как прежде,
Поздней осенью со мной.

Июль 1935.

* * *

Что еще теперь ты хочешь?
Спуститься в ад? Подняться в рай?
Тебе дано во мраке ночи
Хлебнуть блаженство через край.

Какой еще ты ищешь муки,
Спешешь, каких блаженств ища,
Когда к тебе стремится в руки
Девичье сердце трепеща?

Законом тягостным и лживым
Ты хочешь вдруг сковать уста
В тот час, когда в твоих порывах
Цветут и жизнь, и красота.

И если сердце онемело
В полете мысли и мечты,
Зачем измученное тело
Ты низвергаешь с высоты?

Зачем холодными руками
С лукавой мудростью змеи
Ты снова сбрасываешь камни
На плечи бедные мои?

Ведь все равно, покорный зову,
Я все преграды разорву,
И, опаленный счастьем, снова
Блаженный миг переживу.

<1930-e>.

* * *

Из глубин души воспоминанья,
Как со дна взволнованных морей,
Осторожный шорох увяданья
Поднимает ярче и острей.

Под высоко вознесенным сводом
На рассвете солнечного дня
Самые мучительные годы
Новой жизнью стали для меня.

Скупость сил и пустоту над ними
На гроши размененные дни
Слабая окутывает память
В мягкие вечерние огни.

Ярким солнцем сквозь решетку сада,
Свежим ветром в воздухе ночном
Снова душу окрыляет радость
Новой встречи на пути земном.

В блеске догорающей зарницы
Новый день склонялся и поник,
И раскрылись лучшие страницы
Самых старых пожелтелых книг.

Сквозь порывы радости мгновенной
Слышу я, страницы шевеля,
Как в ночном покое постепенно
Остывает теплая земля.

Сохнут травы на крутом откосе,
Ветер опьяняет, как вино,
Золотая, болдинская осень
Красным кленом клонится в окно.

Сентябрь 1933.

* * *

За чугунной решеткой балкона,
Развернув золотой листопад,
Беспокойным оранжевым кленом
Осень ранняя смотрится в сад.

И в тяжелой поре увяданья
Самым страшным, мучительным днем
Стала тихая радость свиданья
Для меня путеводным огнем.

И пускай в опустелые дачи
Рвется ветер, окошком звеня,
В эти страшные дни обозначен
Легкий путь навсегда для меня.

Что б ни делал я, где бы я ни был,
Но привычку ничем не избыть
Под задернутым тучами небом
Вечерами к тебе приходиться.

Ты висков поседевших от боли
Осторожно коснувшись рукой,
Может быть против собственной воли
Потревожила тихий покой.

Овладевшее мною волненье
На исходе осеннего дня
Оттого, что в груди к сожаленью
Большей нежности нет у меня.

Сентябрь 1933.

* * *

На работе, в командировке,
В час досуга, в тиши ночной,
На автобусной остановке
Вы встаете передо мной.

Я готов протянуть вам руки
И сквозь шум чужих голосов
Слишком жадно слушаю звуки
Мною выдуманных шагов.

Сердце, празднующее победу,
Не волнуйся и не спеши,
Эта встреча осталась бредом
Ненасытной моей души.

Ведь она не придет, не встанет
Даже в проблеске майских грез,
Глаз огромных не затуманит
Капля теплых тяжелых слез.

И в метель, в ледяную вьюгу
Слишком страшно и тяжело,
Пролетая, искать подругу
Сквозь оттаявшее стекло.

Сиротливо и быстротечно
При мерцаньи ненужных свеч
Час за часом уходит в вечность
Ожиданье далеких встреч.

<1933>.

* * *

Если час расставанья в ночной тишине
Ты предчувствуешь сердцем, уставшим от боли,
Если слабые руки навстречу ко мне
Протянуть нет ни сил, ни желанья, ни воли,

Если годы недугом сломили тебя,
Без конца удлиняя бессонные ночи,
Если, чувствуя горько и горько скорбя,
Ты любви обаянью поддаться не хочешь,

Старым другом, как прежде, меня назови
И свою утомленную нежную руку,
Как последний залог уходящей любви,
В самый страшный мой час протяни на разлуку.

Сентябрь 1933.

* * *

Душный ветер бушует над миром
И поет свою песню в трубе.
Вот сейчас убежать бы с квартиры
И пойти бы навстречу к тебе.

По откосам, по шпалам, по поясу
В доцветающей медленно ржи
Вон туда, где зеленый твой поезд
Через реки и степи бежит.

Где под грохот ночной перебранки
На бегущее вдаль полотно
На каком-то глухом полустанке
Ты глядишь осторожно в окно.

Где, заре надвигаясь навстречу,
Белый сумрак острей и ясней,
Где потухли ненужные свечи
Допотопных больших фонарей.

Там, где травы высоки и звонки,
Где с туманом мешается дым,
До упаду бежать в перегонки
Вместе с поездом длинным твоим.

А потом у разбитой сторожки,
Торопливо вбежав на крыльцо,
Увидать на мгновенье в окошке
Твой берет, и ладонь, и лицо.

1937.

* * *

Отошла, отцвела, отгорела
Наша радостная любовь,
И из рук моих валится дело,
И остыла усталая кровь.

Но сегодня, навек, на разлуку —
Так ведь, кажется, в песне поют,
Ты свою утомленную руку
Осторожно положишь в мою.

Но смотри, ненароком не выдай,
В синем блике горячих глаз
Ты своей на меня обиды
И всего, что мучило нас.

Осторожно и неохотно,
Как-то скупо звенят слова.
За окном, за портьерой плотной
Так же скупо шуршит листва.

Но и слов, наконец, довольно,
Мы с тобою вдруг замолчим,
Слишком страшно и слишком больно
Обращать прошедшее в дым.

Без упрека и без страданья
В злую осень, по вечерам,
Будут наши с тобой свиданья
Вспоминаться обоим нам.

Что ж, на радость и на разлуку
В отцветающей тишине,
Как подарок, большую руку
Протяни на прощание мне.

Чтоб цвела, как память большая,
В суете, тишину тая,
Осторожная и скупая,
Как любовь, теплота твоя.

Чтоб во вьюгу, за синим снегом,
Под метели немолчный вой

Запевал надо мной с разбега
Переменчивый голос твой.

1936.

* * *

Пусть страсть кипит созревшим виноградом,
Я пью ее с полуоткрытых губ.
Ни слов, ни звуков, ничего не надо:
И звук, и жест и холоден, и груб.

Я пью любви блаженную отраву,
И горечь снов, и прожитых годин,
И торжество, и ненависть, и славу,
И юный жар, и холодок седин.

Вот голова твоя отяжелела,
В глазах мелькнул неугомонный страх,
И Фидием изваянное тело
Слегка дрожит в неопытных руках.

1937.

* * *

В Александровском парке густые высокие кроны
Над тобой, надо мной безмятежно и долго шумят,
И таинственный мир вырастает глухой и зеленый,
И другой, повседневный, уходит покорно назад.

Тишина и покой над тобой, надо мной, и над нами,
Загорелые руки твои золотое вбирают тепло,
Пахнет свежей листвой, отошедшими в вечность годами,
И прозрачный канал в отдалении засиял, как стекло.

Я бы голову мог осторожно к тебе на колени
На мгновенье, надолго, почти навсегда положить.
Я хотел бы с тобою в чаду неизбежных волнений
Нераздельно, спокойно и радостно, радостно жить.

<1937>.

* * *

Что же, молодость отгремела,
Да и зрелость почти отошла,
И по-старчески ищет тело
Неподвижности и тепла.

Но душа ни за что не хочет
Примириться с такой судьбой
И упорно во мраке ночи
Вызывает судьбу на бой.

Вот и рвется она из дому
И отыскивает пути,
Чтобы сызнава, по-иному
Новый жизненный путь пройти.

И порою больные руки
Вспоминают былую мощь,
И, как в детстве, волнуют звуки
Осыпающих листья рош.

И по-юношески несмело
С удивленьем следят глаза,
Как стремительно пролетела
Освежающая гроза.³⁸

<1941>.

II

ИЗ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. С. АЛЕКСЕЕВА

В. С. Алексеев учился в замечательной гимназии, история которой связана с биографиями многих деятелей литературы — в Петроградской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской (в 1919—1922 годах — Петроградской 10 Трудовой школе имени Л. Д. Лентовской).³⁹ Некоторые материалы из архива В. С. Алексеева содержат любопытную информацию о литературной жизни в этой гимназии, а также проясняют характер отношений В. С. Алексеева с А. И. Введенским и Л. С. Липавским. Последнее обстоятельство имеет особое значение, поскольку гимназическая дружба трех юных поэтов явилась исходным пунктом литературных биографий каждого из них.

Училище Лентовской было основано в 1906 г. К сожалению, воспоминания учеников донесли очень мало сведений об основательнице — Лидии Даниловне Лентовской. Один из них называет ее «попечительницей» гимназии, «известной петербургской благотворительницей, состоятельной женщиной и светской дамой, не чуждой либерализма и даже некоторого радикализма с социалистической окраской».⁴⁰ Д. С. Лихачев в своих воспоминаниях упомянул о ней как о театральном антрепренере.⁴¹ Однако позднее в устной беседе он сообщил, что эти сведения являются только его предположением. Как видно из приводимого ниже стихотворения В. С. Алексеева, посвященного десятилетнему юбилею гимназии, и ученики и преподаватели относились к Л. Д. Лентовской с пиететом.

«В дореволюционном Петербурге это было одним из лучших, если не лучшим среднеучебным заведением», — вспоминал Вадим Андреев, впоследствии известный писатель, учившийся в гимназии Лентовской (в одном классе с В. Алексеевым) в 1915—1917 годах.⁴² И Вадим Андреев, и другие выпускники «Лентовки» вспоминают об исключительно высоком уровне преподавательского состава гимназии, первоначально сформированном из числа учителей, изгнанных из правительственных гимназий в годы первой революции. В 1918—1922 годах здесь преподавал психологию, а также некоторое время заведовал библиотекой отец В. С. Алексеева Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов).⁴³ Особо следует упомянуть о преподавателе русского языка и литературы Леониде Владимировиче Георге (1890—1927). Один из выпуск-

ников гимназии, Я. С. Друскин, признавал, что именно Георгу он обязан своим интересом к русской и мировой литературе, а также к вопросам философии.⁴⁴ По воспоминаниям учеников, Георг «интересовался фольклором, в том числе заговорами, нескладницами, и сам их исполнял в своих классах, и вообще культивировал в своем преподавании „смеховую“ струю».⁴⁵ Он вел литературный кружок, который посещался и учениками, и другими преподавателями. Интересно, что в 1920/21 учебном году занятия кружка проводились при активном участии С. А. Алексеева (Аскольдова) и его жены Елизаветы Михайловны, причем посещались также бывшими учениками школы, закончившими ее в 1920 г. и ранее.⁴⁶ В следующем, 1921/22 году литературный кружок вел Е. П. Иванов (1876—1942), друг А. А. Блока, специально приглашенный Георгом.⁴⁷

Воспоминания учеников тех лет рисуют характерную картину жизни школы времени «военного коммунизма». Зимы 1919/20 и 1920/21 годов были очень холодными и снежными, центральное отопление не действовало, ученики в классах сидели в пальто и валенках. Ученики вместе с преподавателями время от времени занимались заготовкой дров — обычно путем «разрушения» предназначенных к сносу деревянных домов. Эта характерная деталь школьного быта нашла отражение в стихотворении В. С. Алексеева «Сломанный дом» (текст см. ниже).⁴⁸ Из-за наступающего на Петроград голода в школе были организованы сначала «сухие пайки» (термин появился позже, в те времена это так не называли), а в 1920/21 годах горячие завтраки, состоявшие из большой порции крупнозернистой пшеничной каши и чая с черным хлебом. Несмотря на бытовые трудности этого времени, в школе часто устраивались самодеятельные спектакли (в частности, Георг осуществил постановку «Ревизора», где роль Хлестакова играл А. Введенский).⁴⁹ Постоянной практикой были экскурсии по городу, а также далекие загородные поездки с учениками трех-четырёх старших классов.

Издавались рукописные журналы, полностью составленные из произведений учеников того или иного класса. Один из таких журналов — «Лентовец» (№ 4 за 1917 год) сохранился в архиве Алексеева. Этот журнал большого формата (37 × 26,5 см), богато украшенный рисунками учеников, содержит два очерка В. Алексеева («Раскол Русской Церкви» и «Углич»), стихотворения В. Алексеева, Л. Липавского, Вадима Андреева и рассказ Бартковского. В предисловии от редакции утверждается, что «как и в прошлом году — главным отделом должен быть литературный, иначе журнал приобретет хотя бы некоторую партийность, что не согласуется с постановлением Клуба о внепартийности, как его, так и журнала». Эти редакционные оговорки были отнюдь не случайными. Как вспоминает Вадим Андреев, в недели, предшествовавшие пасхальным каникулам 1917 г., «в классе на двадцать семь учеников образовалось около сорока политических партий, — мы спорили, кричали, писали революционные стихи, столь же пылкие, сколь и плохие:

Зазвенели разбитые стекла
Обреченных проклятью дворцов,
И с зарею свободы поблекло
Царство тьмы и царей-подлецов».⁵⁰

В конце 1917 или в 1918 г. в школе образовалось содружество трех юных поэтов — А. И. Введенского, Л. С. Липавского и В. С. Алексеева. Появление этого содружества, очевидно, было связано с деятельностью школьного литературного кружка «Костер». Во всяком случае, уже в первом полугодии 1918/19 учебного года Л. В. Георг упоминает Липавского и Алексеева в числе учеников, которые «много отдают сил на участие и активную работу в литературно-художественном кружке

„Костер“».⁵¹ Некоторые подробности деятельности этого кружка проясняются благодаря воспоминаниям Б. Н. Лосского. Он, как и Георг, упоминает о причастности к этому кружку В. Алексеева, а также «другого много обещавшего юного поэта-идеалиста» Липавского: «Липавского встречал только старший брат Владимир,⁵² в конце весны 1919 года, когда, наверно, благодаря нашей дружбе с Алексеевыми, присоединился к группе лентовцев, которым какое-то государственное учреждение предоставило на летний сезон какое-то национализированное имение за Нарвской заставой в качестве огорода для возделывания, частью в свою пользу.⁵³ Там мой брат объединялся, в частности, с Вовой (Алексеевым. — А. Д.) и Липавским для спиритуалистических философствований. Если не ошибаюсь (говорю об этом очень осторожно!), даже наименование „Костер“ для их объединения было ему даровано какими-то его стихами, когда оно окружило зажженный вечером костер. Надо прибавить, что не все огородники-лентовцы (и хозяйки кружка, лентовки) отличались глубокомысленными настроениями. Во всяком случае не англичанин-спортсмен Чешер <...>, который, когда над ним начинали трюнить товарищи, грозился насмешникам „дать по мордам“. Прибавлю, наконец, что, когда уже приближалась осень, школьники-огородники, не поладив с предержавшими властями, покидая поместье, пустили в усадебные здания „красного петуха“».⁵⁴

Смысл названия кружка раскрывается в публикуемом ниже стихотворении В. С. Алексеева «Костер», посвященном Л. В. Георгу.⁵⁵

Сохранился выразительный, хотя и несколько пристрастный, на наш взгляд, отзыв Л. В. Георга о В. С. Алексееве, написанный в конце 1918 г.: «Оч<ень> оригинальн<ое> сущ<ество>. В развитии его не все представляется нормальн<ым>. Андр<ей> Белый, Достоевский, Толстой, соврем<енная> литерат<ура> — вот круг его интересов. Сам — поэт. Недурные стихи. Наряду с этим поразительная безалаберность в школьных занятиях. Ревностн<ый> посетитель „Костра“, где предполагает читать о лирике Вл. Соловьева, — и в то же время феноменально безграмотный человек. К систематическому труду неспособен. Перенес тяжелые болезни, сухорук.⁵⁶ „Интеллигент“».⁵⁷

В 1917 или 1918 г. Алексеев, Введенский и Липавский написали поэму «Бык Будды» (текст не сохранился), по характеристике Т. А. Мейер (в замужестве Липавской) — «сочувственную пародию на футуризм».⁵⁸ К 1920—1921 годам относится и единственное дошедшее до нас их коллективное стихотворение — «Мы с тобой по аллеям гуляем...». По свидетельству Я. С. Друскина, трое юных поэтов посылали образцы своих стихотворений А. Блоку и Н. Гумилеву.⁵⁹ В письме Блоку, датированном январем 1921 г., они просили его сообщить отзыв о стихах по адресу (или по телефону) А. Введенского. Единственным свидетельством прочтения этих стихов Блоком является его помета на письме: «Получил 20.I.1921. Отв<етил> 23.I. Ничто не нравится, интереснее Алексеев».⁶⁰

Письмо к Гумилеву, если оно и было написано, не сохранилось. Сохранился, однако, текст воспоминания В. Алексеева о его визите к Гумилеву — в сопровождении неких не названных им спутников. Были ли этими спутниками Введенский, Липавский или кто-нибудь другой, сказать сколько-нибудь определенно сейчас невозможно. Однако, интересно сопоставить воспоминания В. Алексеева с устными свидетельствами его сестры — Александры Сергеевны Алексеевой (записаны с ее слов в 1996—1998 годах). Она подтвердила, что Введенский и Алексеев лично встречались по крайней мере с кем-то из знаменитых поэтов — или с Блоком, или с Гумилевым. Во всяком случае, она была свидетельницей оживленного разговора между В. Алексеевым и Введенским по поводу полученного ими отзыва. В своем рассказе Александра Сергеевна первоначально склонялась к версии об отзыве Блока, однако, после обнаружения в архиве текста воспоминаний Алексеева (о визите к Гумилеву),

усомнилась в этом. О письменном ответе она ничего не знает. Судя по разговору Введенского и Алексеева, похвалами определенно были удостоены стихи Алексеева. Введенскому же не понравился отзыв о его стихах. Во время обсуждения с Алексеевым Введенский сочинил экспромт, как бы отвечающий на выслушанные им «замечания» относительно своих произведений:

Ну кому какое дело,
Смел ли он поцеловать,
Лишь бы тумбу не задело,
А на встречных наплевать.

О содержании «замечаний» по этим строкам остается только гадать. К тому же А. С. Алексеева не уверена, что запомнила стихотворение целиком.⁶¹

Дружба Введенского с Алексеевым продолжалась некоторое время и по окончании школы. По словам А. С. Алексеевой, осенью 1921 г. они поселились в пустующей пятикомнатной квартире на Кронверкской, 21, на шестом этаже, напротив квартиры Алексеевых, и жили вдвоем около года. В дальнейшем Алексеева и Введенского сближало лишь членство в Ленинградском отделении Всероссийского Союза Поэтов, совместное участие в некоторых его литературных вечерах в Доме Печати и в других клубах. Стихи их соседствовали также на страницах двух поэтических сборников, выпущенных этим профессиональным литературным союзом: «Собрание стихотворений» (Л., 1926) и «Костер» (Л., 1927).

В настоящую подборку включены не все стихотворения В. Алексеева, посвященные гимназии Лентовской. В частности, не публикуется хронологически последнее из обнаруженных нами в архиве стихотворений такого рода, по-видимому, описывающее собрание выпускников гимназии в феврале 1923 г.: «Еще ведет нетерпеливый торг...». Оно заканчивается такими строками:

Мы променяли трехэтажный дом
На залы Университета,
Да не сочтется ныне это
Нам неотпущенным грехом.⁶²

Воспоминания о Н. Гумилеве являются частью пространной статьи В. Алексеева о творчестве Н. Гумилева, которая сохранилась в его архиве. Автограф этой статьи занимает три неполных тетради. Первые две из них озаглавлены «Поэзия Н. С. Гумилева» (в конце второй тетради дата: декабрь 1922). В этой части своей работы В. Алексеев пытается проследить эволюцию творчества Гумилева, поставив перед собой задачу «разобрать те произведения, которые дала нам его жизнь, оставляя личность автора в стороне».⁶³ Третья тетрадь, озаглавленная «Н. С. Гумилев. Личность», печатается здесь полностью.

1 февраля⁶⁴

Прошли года, и в этой зале,
Куда со страхом я вступал,
За десять лет отчет читали,
Десятилетия день настал.

А там в углу, под образами,
Ее портрет в тени стоял.
Своими добрыми глазами
Она осматривала зал.

И десять лет работы школьной
Мы вспоминали перед ней,
И радость, труд, и грех невольный,
И тяжесть царственных цепей.

И как живая вместе с нами
Она была на торжестве.
А там портрет с ее чертами
Стоял за пальмой в темноте.

2/II 1918.

Сломанный дом

Серые балки ломом
Отрываю от потолка.
За открывшимся новым изломом
Чья-то торчит голова.

Пыльные доски падают
На асфальтовую панель.
И глаза усталые радуют
Труды за десять недель.

20/I 1920.

Костру

Л. В. Георгу

День ото дня желтеют скаты гор,
Темнее лес. Стада еще на воле.
И желтый лист — осенних дней убор —
Один мятется в опустелом поле.

Свети, костер, в осеннем долгом мраке!
Тесней вокруг тебя смыкается наш круг.
И может быть, на огненные знаки
Вернется к нам от нас ушедший друг.

Печально одному, вдали завидя свет,
Во мраке пробрести на долгую разлуку,
Но сладко, с другом встретясь после долгих лет,
Ему пожать от сердца крепко руку.

Терпенье же, друзья, последний раз мы тут,
Скорей, еще куда угли тлеют,
Сойдемся, расходясь на жизни тяжкий путь.
Блаженны люди те, которые имеют

На жизненном пути средь горя и тревог
Воспоминания о старом милом друге.
Сойдемся же, чтоб после каждый мог
О друге вспомнить на досуге.

28/V 1920.

Введенскому

Ты упрекнул меня средь дружеской беседы
За мой простой, не говорящий сердцу стих,
За пустоту, за старые сюжеты,
За то, что я не изукрасил их.

Но знай, что я пою, чтоб сердцу дать усладу,
А сердцу жаркому понятен стих простой,
И не хлопков я жду себе в награду,
А благодарный взгляд порой.

И твердо знай: угарную Россию
Одним простым стихом и можно воспевать,
И только в простоте и Бога и Марию
Постигнешь ты, получишь благодать.

30/V 1920.

* * *

(А. Введенскому)⁶⁵

Словно маленькие глупые дети,
Мы бредем по темному городу,
Спотыкаясь о скользкие льдины,
Попадая ногами в лужи.

Жутко прятаться в темные двери
Незнакомых сырых подъездов,
Проходить перекрестки улиц,
Поднимать воротник от ветра.

Я вытерпел много горя,
Я вымолчал много жалоб
И стал сухим и упрямым,
Человеком ума и воли.

Ты, покорный своей фантазии,
Как всегда, раб желаний мига,

Тороплив, суетлив, не хочешь
Время, чтобы одолеть препятствий.

Ночь векует века на пашне, —
Говорил ты давно когда-то.
Ночь ползет из своей берлоги, —
Мне хотелось сказать сегодня.

Мы идем к намеченной цели
Торопливым, неровным шагом,
Спотыкаясь о скользкие льдины,
Словно маленькие глупые дети.

Апрель 1922.

* * *

Было за полночь и даль серела,
Когда на мост пьяные взошли.
Гумилев и Всеволод, от хмеля белый,
Под руки Иванова вели.

— Стой, ребята, — вымолвил Иванов, —
Гумилев, коль ты гусар лихой,
На одном из каменных болванов
Поезжай сейчас к себе домой.

Понапрасну публика мешала,
Милиционер пришел с поста:
Гумилева больно разбирало
Сесть повыше конского хвоста.

Хотя нравы нынче стали просты,
Но не видел и ни мал ни стар,
Чтоб на статуе Аничковского моста
Гвардии Ее Величества сидел гусар.⁶⁶

<1922>.

Н. С. ГУМИЛЕВ. ЛИЧНОСТЬ

В одной из комнат Дома Искусств во втором этаже у низко спущенной лампы с зеленым абажуром за большим столом сидят несколько человек. За одним концом человек <с> наголо обстриженной головой с заостренным подбородком и белым лицом. Из-под пиджака высовывается подпирающий щеки крахмальный воротничок. Это Гумилев. В зубах неперемная папироса, а подле на столе знаменитый гумилевский портсигар. Он говорит медленно, резким и протяжным голосом, поминутно останавливается, чтобы затянуться. В углу сидят трое. Один — Георгий Иванов с неудачно покрашенными губами, от которых розовеют папиросные мундштуки. Другой — поблескивающий стеклами пенсне Эйхенбаум, и третий — во флотском мундире, пока еще скромный и тихий, напоминающий большого мальчика, Нельдихен.

Скучная лекция, неизвестно для чего читающаяся, подходит к концу. Видно, что сам лектор тяготится ею: он читает медленно и вяло, просто тянет время. Но вот она кончится и все оживятся, и сам Гумилев будет с иронической улыбкой слушать стихи, награждая авторов дельными и меткими советами. Одного высмеивать за плохое стихотворение, написанное неподходящим к теме размером. Другому достанется высшая награда: «Под этим стихотворением я сам охотно бы подписался». И засияет счастьем довольный автор. Потом Нельдихен будет читать свои стихи о том, как он томится на дежурстве в казарме и как разбивает казенную икону, висящую в углу, потому что никакого Бога нет.⁶⁷ «Разбить икону глупо и легко, а написать хорошее стихотворение трудно», — резонно заметит Гумилев. Но вот уже собралась публика, наверху открыли зал, и Николай Чуковский собирает билеты, значит надо отправляться наверх. И слоняясь поверху в ожидании начала, видны целые вереницы поэтов — Николая Оцупа, Всеволода Рождественского, сумасшедшего Пяста. Вечер открывает Гум.⁶⁸ Кланяясь на многочисленные хлопки, он читает на бис лучшие стихи из предполагаемой книги «Огненный столп». Читает их медленно, уверенно, немного певуче, видимо, сам с наслаждением перебирая красивые аллитерации своих строк. Его сменяют поэты один за другим. Уже около полночи появляется Блок, встречаемый наибольшими восторгами. Он читает новую, еще никому неизвестную II-ую главу поэмы «Возмездие», и потому публика слушает его на этот раз с особенным вниманием.⁶⁹ Но старая пословица гласит «хорошенького понемножку», а сегодня его было слишком много, и вот наступает расплата в виде путешествия на Петроградскую сторону в лютый мороз пешком.

Сердитый оклик из-за двери: «Кто там?». Называемся. Дверь открывается, и завернутый в одеяло с высовывающимся из-под него воротом Николай Степанович выпускает нас. Нельзя сказать, что I <час> дня — время раннее, но он просит нас «великодушно простить», если примет нас лежа, ибо вставать ему не хочется. Идем в спальню, она же и кабинет. Низенькая комната с двумя окнами, между ними крохотный письменный стол, заваленный не относящимися к письму принадлежностями. Масло, хлеб, просыпанный табак, папиросы. Вдоль одной стены кровать с вышитой на ней картиной. Вдоль другой — полки с беспорядочно сложенными на них книгами. Сам Гум принимает нас, сидя на кровати и до подбородка натянув теплое одеяло. Разговор идет о стихах. Он, оживившись, выкладывает свои мысли как всегда гладким и претендующим на некоторую красоту языком, обнаруживая знание в самых разнообразных областях. В разговоре, словно в стихах, чувствуется бережливое и аккуратное отношение к слову, словно прежде чем произнести, он взвешивает и разглядывает его. А, между тем, от закуренных папирос воздух в комнате становится сизым и мутным. Читаем стихи. Критикует, как всегда, веско и дельно. А в это время книгам становится скучно созерцать нас со своих полок, и нет-нет одна из них с тяжелым грохотом падает на пол. «Да вы не трудитесь их поднимать, на это и времени не хватает, они всегда падают». И не обращая больше внимания, мы продолжаем вести свою беседу, а за спиной то и дело слышится стук переплета: трах-трах-трах...

1922. В. Алексеев.

¹ Известно, что формирование кружка друзей, с 1925 г. называвших себя «чинярями», началось гораздо раньше этого времени. Небольшое сообщество единомышленников — Я. С. Друскин, А. И. Введенский, Л. С. Липавский и Т. А. Мей-

ер — существовало с начала 1922 г. Однако, все четверо будущих «чинарей» были знакомы еще раньше, так как учились в одной гимназии — Петроградской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской (начиная с 1917 г. название и статус этого учебного заведения неоднократно менялись). В. Алексеев учился в одном классе с Липавским.

² Впервые опубликовано: *Введенский А.* Полное собрание сочинений: В 2-х т. Анн Арбор, 1984. Т. 2. С. 225.

³ Впервые опубликовано: *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок: материалы к поэтической предыстории ОБЭРИУ // Блоковский сборник. Х. Тарту, 1990 (на обложке — 1991). С. 72—81 (Ученые записки Тартуского университета; Вып. 881).

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Подробнее о А. А. Козлове см. статью Д. К. Равинского и Б. М. Шахматова в словаре «Русские писатели: 1800—1917» (М., 1992. Т. 2. С. 589—591). В качестве дополнения к помещенной при этой статье библиографии укажем переиздание книги С. А. Аскольдова «Алексей Александрович Козлов» (Предисловие и примечания Н. П. Ильина (Мальчевского). СПб., 1997).

⁶ См.: *Челищев Н. Андр.* Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893. С. 281—286, 296. Отметим, что М. А. Челищева впоследствии была видной нигилисткой, участницей «Знаменской коммуны» В. А. Слепцова (см. об этом: «Знаменская коммуна» / Публ. М. Л. Семановой // Василий Слепцов: Неизвестные страницы. М., 1963. С. 440, 452, 456. Литературное наследство; Т. 71).

⁷ Подробнее о нем см.: *Аскольдов С. А.* Письма к А. А. Золотареву / Вступ. заметка и прим. А. А. Сергеева; Подг. текста А. И. Добкина // Минувшее. М., 1992. [Вып.] 9. С. 352—379; *Аскольдов С. А.* Из писем к родным (1927—1941) / Публ. А. Сергеева // Минувшее. М.; СПб., 1992. [Вып.] 11. С. 292—331; *Лихачев Д. С.* Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов): (По юношеским воспоминаниям) // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 383—386; *Аскольдов С. А.* Четыре разговора. Мысленный образ Христа / Публ. А. В. Лаврова // Там же. С. 387—508.

⁸ Подробнее об этом см. во второй части настоящей публикации.

⁹ В архиве В. Алексеева сохранились конспект его доклада о В. Соловьеве и неоконченная статья «Две веры (Вл. Соловьев и Н. Гумилев)». Оба текста относятся к 1922 г.

¹⁰ Лето 1918 г. С. А. Алексеев-Аскольдов провел со своими тремя детьми в Казани, где жила их бабушка (Татьяна Никитична Голдобина). Затем вместе с Владимиром Сергей Алексеевич возвратился в Петроград, а дочери отправились к матери, которая жила в это время в Москве. В Петрограде Владимир прожил вдвоем с отцом три года. В конце лета 1921 г. в Петроград вернулись остальные члены семьи.

¹¹ *Аскольдов С. А.* Из писем к родным. С. 297.

¹² См. его студенческое дело: Центральный государственный архив С.-Петербурга (далее: ЦГА СПб.), ф. 7240, оп. 4, № 24, л. 2, 9.

¹³ Там же, л. 11.

¹⁴ Там же, л. 1.

¹⁵ См. об этом в комментариях А. Б. Устинова и А. А. Кобринского к публ.: Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее: Исторический альманах. М.: СПб., 1992. [Вып.] 11. С. 518.

¹⁶ *Волков Петр Николаевич* (1894—1979) — поэт, входил в группы «Звучащая Раковина» и «Островитяне». Книга стихов Волкова «Курганы» была анонсирована в 1922 г. издательством «Островитяне».

¹⁷ *Браун Анатолий Леопольдович* (1904—1943) — поэт и прозаик, брат Н. Л. Брауна.

¹⁸ *Сорокин Григорий Эммануилович* (1889—1954) — поэт и прозаик. В архиве В. Алексеева сохранился автограф его стихотворения «Памяти Блока» («Тогда никто не разглядел...»), с посвящением «Володе Алексееву» и датой: 2 декабря 1922 г.

¹⁹ *Браун Николай Леопольдович* (1900, по др. сведениям 1902—1975) — поэт, переводчик.

²⁰ *Вагнер Николай Петрович* (1898—1988) — прозаик, драматург, поэт.

²¹ *Дмитриев Николай Петрович* (1903—не ранее 1940) — поэт, литературовед, входил в группу «Звучащая Раковина».

²² *Боженко Константин Никанорович* (1878—1939) — поэт, прозаик и критик.

²³ Из письма неоклассиков к Ф. Сологубу. Цит. по вступительной статье М. М. Павловой к публ.: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. [Вып.] 1. С. 194.

²⁴ Московская группа неоклассиков возникла при Всероссийском Союзе Поэтов в конце 1918 г. В 1921—1926 годах функционировало книгоиздательство «Неоклассики», выпустившее «Декларацию неоклассиков» (М., 1923; воспроизведена в кн.: *От символизма до «Октября»* / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М., 1924. С. 244—247) и три сборника стихов «Лирика» (первые два — М., 1922, третий — Тверь, 1925). В группу входили Н. Н. Захаров-Мэнский, М. П. Гальперин, Г. Я. Поповский, П. А. Терский, Е. К. Шварцбах-Молчанова, В. А. Бутягина, Н. Л. Манухина и др. На позиции неоклассицизма стояли также писатели группы «Лирический круг» (см. одноименной сборник — М.: Северные дни, 1922; о задачах объединения см., например, заметку в журнале «Творчество» — 1922. № 1/4. С. 75).

²⁵ Приводится по списку В. В. Смиренского 1970-х годов (РО ИРЛИ, ф. 582. Не разобран). Анна N — Анна Николаевна Иванова, жена В. Алексеева. Об увлечении В. Смиренского Анной Николаевной Гумилевой (урожд. Энгельгардт) см. в публикации К. М. Азадовского и А. В. Лаврова «Анна Энгельгардт — жена Гумилева» (Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 368—369).

²⁶ А. Ш. В союзе писателей. Неоклассики // Ленинград. 1925. № 27. С. 12—13. (По-видимому, первоначально предполагалось, что декларацию неоклассиков прочтет В. Н. Волошинов, см. анонимную заметку «В Союзе писателей»: Новая вечерняя газета. 1925. № 98. 11 июля. С. 3). Ср. суждения Ф. Сологуба о плагиате: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения. С. 222, 233 (примечание М. М. Павловой).

²⁷ Текст письма см.: Там же. С. 193—194 (вступ. статья М. М. Павловой).

²⁸ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (далее: РНБ), ф. 92, оп. 1, № 140, л. 10 (*Борисолебский М. В.* Последнее Федора Кузмича <1929>).

²⁹ О «вторнике» неоклассиков, на котором выступал с лекцией Ю. Н. Верховский, см. подробную запись Л. И. Аверьяновой (РО ИРЛИ, ф. 355, № 3).

³⁰ См. письмо М. Смиренского к М. Борисолебскому от 15 июля 1925 г. (РНБ, ф. 92, оп. 1, № 282, л. 2 об.).

³¹ Там же, л. 18 об.

³² *Оксенов И.* Среди стихов: [Рец. на альманахах «Ларь»] // Звезда. 1927. № 8. С. 154.

³³ РНБ, ф. 103, № 9.

³⁴ *Алексеев В.* Великий смотр: Соцсоревнование и новая техника. Л., 1930; *Он же.* Борьба за кадры. Л., 1930; *Он же.* Заочная подготовка кадров. Л., 1930. Вторая из указанных книг сохранилась в библиотеке В. С. Алексеева (собрание А. С. Алексеевой).

³⁵ РНБ, ф. 92, оп. 1, № 282, л. 45.

³⁶ По-видимому, речь идет о Н. С. Гумилеве.

³⁷ Из письма к Е. А. Букреевой от 7 июля 1934 г. Цит. по публ.: *Аскольдов С. А.* Из писем к родным. С. 318.

³⁸ Черновой автограф карандашом на конверте письма С. А. Аскольдова к В. С. Алексееву, отправленного из Новгорода в Ленинград (Фонтанка 53, кв. 38). Штемпель прибытия: 23.01.1941. На этом конверте записана еще одна строфа, относящаяся, по-видимому, к этому же стихотворению:

Но упорно сквозь мрак и горы,
То волнуясь, а то спеша,
Рвется в солнечные просторы
Нестареющая душа.

³⁹ Первые годы своего существования это учебное заведение располагалось на Васильевском острове (10 линия, д. 35), в 1908—1919 — в доме 51 по Большому проспекту Петербургской / Петроградской стороны. Официальное название в 1908—1917 — Петербургская / Петроградская гимназия В. К. Иванова, учрежденная Л. Д. Лентовской. С 18 апреля 1917 г. гимназия была передана в содержание «Общества гимназии, учрежденное Л. Д. Лентовской» и получила название — Петроградская Общественная гимназия имени Л. Д. Лентовской с правами правительственных гимназий. С сентября 1918 г. — Петроградская Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. 29 августа 1919 г. постановлением Отдела просвещения г. Пет-

рограда была закрыта бывшая Петровская гимназия (ул. Плуталова, 24), а Петроградская Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской переведена по ее адресу, получив название — Петроградская 10 Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. С конца 1922 г. (или с начала 1923) — 190 Советская Единая Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. Ныне — муниципальное образовательное учреждение «Школа № 47 имени Д. С. Лихачева».

⁴⁰ *Розенберг И. А.* Школа (1918—1926 гг.). Авторизованная машинопись (1975). Хранится в музее истории Школы № 47 имени Д. С. Лихачева. Выражаю благодарность хранителю музея В. Н. Пашиковой, любезно предоставившей этот текст.

⁴¹ *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 101.

⁴² *Андреев В.* Детство. М., 1966. С. 126. Вадим Леонидович Андреев (1902/1903—1976) — прозаик и поэт, старший сын Л. Н. Андреева. После Октябрьской революции остался в Финляндии, впоследствии жил в Болгарии, Германии, Франции. В 1946 г. принял советское гражданство, жил в Швейцарии, работал в ЮНЕСКО. Автор автобиографических повестей, неоднократно публиковавшихся в СССР, и многочисленных поэтических произведений, наиболее полное собрание которых см.: *Андреев В.* Стихотворения и поэмы: В 2-х т. / Подгот. текста, сост. и прим. И. Шевеленко; Предисловие Л. Флейшмана. Berkley, [1995]. О школе Лентовской см. также: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 100—109; *Друскин М. С.* Каким его знаю // Музыкальная академия. 1995. № 4. С. 235—236; *Поляков В.* Моя сто девятилетняя школа. М., 1976 (беллетристические воспоминания выпускника 1926 г.); *Сапрыкин А., Алексеев А. и др.* История школы № 47 в годы блокады // Моя Петроградская сторона: Люди Петроградской стороны вчера... сегодня... завтра... СПб., 1998. С. 133—167.

⁴³ О преподавательской работе С. А. Алексеева (Аскольдова) в школе Лентовской и о конфликте с учениками, возникшем в 1922 г., см.: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 127—129. Сохранились лобопытные отзывы Аскольдова о его учениках. Один из них (о Я. С. Друскине) опубликован нами: *Дмитренко А., Сажин В.* Краткая история «чинарей» // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2-х т. [М., 1998] (см. также второе издание: М., [2000]). Т. 1. С. 21.

⁴⁴ *Друскин Я.* «Чинари» / Публ. Л. Друскиной // Аврора. 1989. № 6. С. 105. Отдельный мемуарный очерк посвятил Георгу Д. С. Лихачев, где упоминал, в частности, о положительном отношении Георга к ранним литературным опытам А. Введенского: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 107—108; впервые под названием «Я его так ясно помню...» опубликован в журнале «Аврора» (1981). № 9. С. 100—107). Л. В. Георг родился в семье военного врача, получил образование в Брест-Литовской гимназии. С 1908 г. жил в Петербурге, закончил историко-филологический факультет Петроградского университета (славянско-русский отдел) со званием учителя средних учебных заведений. Состоял штатным преподавателем русского языка в гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской, с 14 октября 1916 г. (см. его личную карточку: ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 208, л. 69). Отзывы Георга о Л. Липавском, Я. Друскине и А. Введенском приведены в статье: *Дмитренко А., Сажин В.* Краткая история чинарей. С. 5—45.

⁴⁵ *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок: материалы к поэтической предыстории ОБЭРИУ // Блоковский сборник. Х. Тарту, 1990 (на обложке — 1991). С. 73 (Ученые записки Тартуского университета; Вып. 881).

⁴⁶ Об этом сообщила Анна Сергеевна Корженевская (1905—1999), выпускница 1921 г.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: *Лихачев Д. С.* Из комментария к стихотворению А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека» // Русская литература. 1978. № 1. С. 186—188.

⁴⁸ Касаясь поэтического бытования этого сюжета (разборка старых домов на дрова), упомяну о стихотворении В. Ф. Ходасевича «Дом» («Здесь домик был. Недавно разобрали...»), 1919—1920), вызвавшем в свое время ехидное указание критика на нарушение поэтом соответствующего постановления московского Совета рабочих и крестьянских депутатов (см.: *Аксенов И.* Журналы // Художественное слово. 1921. № 2. С. 67).

⁴⁹ Об этом см., например: *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок. С. 73. О постановке Георгом «Ревизора» (зимой 1917/1918 г.) вспоминает также Вадим Андреев. По его словам, роль Хлестакова первоначально была отдана ему. Однако после трех или четырех репетиций в октябре 1917 г. он с семьей покинул Петроград (*Андреев В.* Детство. С. 183).

⁵⁰ Андреев В. Детство. С. 169. О «пылкости» и «революционности» сочинений самого Вадима Андреева, равно как и о «партийности» журнала, дает некоторое представление его стихотворный текст, открывающий литературный раздел:

Посвящается Л. А-ву

Венец на голову Христа
Надели и смеялись дико...
И кровь Его святого лика
Текла на бледные уста.
Ему одели багряницу
И насмехалися, крича...
Скорее звали палача
И искривлялись злостью лица.
Теперь другие фарисеи
Продали Родину, смеясь,
В нее кидают дико грязь...
Так убивайте же скорее.

⁵¹ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 206, л. 3 (Отчет об успехах учеников и учениц III класса за первое полугодие 1918—1919 учебного года).

⁵² Лосский Владимир Николаевич (1903—1958) — сын философа Н. О. Лосского, впоследствии известный православный богослов.

⁵³ В личной карточке для учета допризывников, выданной В. Алексееву 8 августа 1919 г., указано, что он служит «в огородной колонии» (ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 4, № 24, л. 5).

⁵⁴ Из письма Б. Н. Лосского к автору настоящей публикации от 18 октября 1995 г. Мимолетное упоминание Б. Н. Лосским кружка «Костер» содержится в его опубликованных мемуарах: *Лосский Б. Н.* Наша семья в пору лихолетия 1914—1922 годов // *Минувшее: Исторический альманах*. М.: СПб., 1993. [Вып.] 12. С. 71.

⁵⁵ Л. В. Георгу посвящено также стихотворение В. С. Алексеева «Чай (Староверческая былина)», датированное августом 1922 г. Оно написано характерным былинным размером. В настоящую публикацию не включено.

⁵⁶ В своем гимназическом календаре «Товарищ» на 1917—1918 учебный год В. Алексеев отметил, что перенес к этому времени scarlatinu, корь, свинку и дифтерит (календарь подарен А. С. Алексеевой автору настоящей публикации). Кроме того, В. Алексеев страдал последствиями легкой родовой травмы: одна его рука в какой-то мере механически повторяла движения другой. По словам А. С. Алексеевой, с годами этот недостаток сгладился.

⁵⁷ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 206, л. 3 об.

⁵⁸ Цит. по изд.: *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок. С. 74.

⁵⁹ Там же. С. 74. В этой статье впервые опубликовано письмо В. Алексеева, А. Введенского и Л. Липавского к А. Блоку и стихи Введенского, приложенные к письму.

⁶⁰ Там же. С. 75.

⁶¹ Поскольку наша совместная с В. Н. Сажиним статья («Краткая история „чинарей“») была написана до того, как А. С. Алексеева ознакомилась с текстом воспоминаний ее брата о визите к Гумилеву, ее рассказ приведен там в ином виде: доверившись ее словам, мы однозначно утверждали, что юные поэты обсуждали отзыв Блока. См.: *Дмитренко А., Сажин В.* Краткая история «чинарей». С. 18—19.

⁶² Не включены в состав настоящей публикации также стихотворения «Вы не Венера, не Ниобиди...» <апрель—июль 1922>, посвященное Т. Мейер, и «Лентовки дух был чист и славен...» <1922>.

⁶³ Отрывок текста из второй тетради приведен в комментариях А. Б. Устинова и А. А. Кобринского к публ.: *Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее: Исторический альманах*. М. СПб., 1992. [Вып.] 11. С. 518.

⁶⁴ 1 (14) февраля — день основания гимназии. В стихотворении идет речь не о десятилетии со времени основания Училища Л. Д. Лентовской (1906), а о десятилетии со времени открытия гимназии (1908). Первоначально, с 1906 г., Училище Л. Д. Лентовской (с классическим и реальным отделениями) располагалось на 10 линии Васильевского острова (д. 35). Начиная с 1909 г. в справочнике «Весь Петербург» указан новый адрес (Большой пр. Петербургской стороны, д. 61) и новое название: Петербургская гимназия В. К. Иванова, учрежденная Л. Д. Лентовской.

«Портрет под образами», упоминаемый в стихотворении — портрет Л. Д. Лентовской.

⁶⁵ Так в автографе.

⁶⁶ Сюжетом для этого стихотворения послужила подлинная история, которую В. С. Алексеев мог слышать как от ее героев (поэтов Георгия Владимировича Иванова (1894—1958) и Всеволода Александровича Рождественского (1895—1977)), так и от Л. И. Борисова, который со ссылкой на рассказ Рождественского позднее привел ее в своих воспоминаниях о Гумилеве (*Жизнь Николая Гумилева / Сост. и коммент. Ю. В. Зобнина, В. П. Петрановского и А. К. Станюковича. Л., 1991. С. 168, 280*). Борисов, однако, не назвал имен спутников Гумилева.

⁶⁷ Очевидно, речь идет о стихотворении Сергея Евгеньевича Нельдихена 1891—1942) «Стол для дежурного, свисток, печать...», однако в опубликованном варианте этого стихотворения герой Нельдихена икону не разбивает (см.: *Нельдихен С. Ось. [Пг., 1919.] С. 13—14*).

⁶⁸ Так студийцы называли Гумилева.

⁶⁹ По-видимому, имеется в виду «Вечер петроградских поэтов» 29 декабря 1919 г., но в газетных отчетах не упоминается о чтении Блоком «Возмездия». Ср.: «Блок и Гумилев читали известные и любимые нами стихи» (*Слотимский М. Вечер петроградских поэтов // Жизнь искусства. 1920. 3—5 янв. С. 1*). Блок читал «Возмездие» в Доме Искусств 4 сентября 1920 г. и на первом вечере Союза Поэтов 22 сентября 1920 г.

Когда работа над этой публикацией была завершена, стало известно о том, что в июне 2000 года вышла в свет книга стихотворений Анны Николаевны Алексеевой, подготовленная ее племянницей Наталией Александровной Тарасовой (*Алексеева А. Это Ленинград! Смотри и слушай! Это Ленинград блокадных дней! / Составление Н. А. Тарасовой. СПб., 1999*; см. также: *Молчанов А. Еще один поэтический голос из блокады // Вестник ветерана (СПб.). 2000. № 34 (430). Сентябрь. С. 13*). В книгу включены 59 поэтических текстов Анны Алексеевой 1914—1945 годов, по одному стихотворению Никиты Алексеева и Сергея Алексеева-Аскольдова («Завещание внуку», 1939), а также семейная переписка 1939—1945 годов. Стараниями Н. А. Тарасовой несколько публикаций об Анне Алексеевой появились в печати и ранее: Санкт-Петербургские ведомости. 1992. № 20—21. 25 января. С. 7; Невское зеркало. 1997. № 9 (40). Май. С. 8; Память поколений: Специальный выпуск газеты «Мальчик и Девочка». [СПб.,] 1998. С. 1. Н. А. Тарасова любезно разрешила нам ознакомиться с материалами своего личного архива, где среди прочих оказались автографы Владимира Алексеева. Это позволило уточнить тексты и датировку ряда стихотворений, включенных в настоящую публикацию. Пользуясь случаем, выражаем Н. А. Тарасовой глубокую благодарность.